

© 2004 г.

Х. ТУМАНС. *Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла* (VIII–V вв. до н.э.). Под научной и литературной редакцией Э.Д. Фролова. СПб.: Гуманитарная академия, 2002. 544 с.

В последние десятилетия до появления монографии рижского профессора, выпускника Санкт-Петербургского университета Х. Туманса проблема становления демократии в Афинах рассматривалась преимущественно в работах зарубежных исследователей¹. Рецензируемая книга наконец-то прерывает затянувшееся молчание по столь актуальному в современной историографии вопросу. Сразу же отметим и то, что в работе высказываются немало новых положений, далеко не всегда вписывающихся в традиционные схемы. Именно это, по-видимому, заставило ее научного редактора – профессора Санкт-Петербургского университета Э.Д. Фролова предположить тексту своего рода критическое предисловие, озаглавленное «Соблазн научного поиска».

Монография имеет семь глав, в которых процесс социально-политической и культурной эволюции Афин прослеживается от гомеровской эпохи до времени Перикла. Автор стремится интерпретировать факты истории, опираясь на реконструкцию ментальных моделей той эпохи – мировоззрения древних греков, а не на расхожие историографические шаблоны и социологические схемы. «Назрела необходимость, – считает Х. Туманс, – объединить политику, религию и культуру в рамках одного исследования» (с. 25). Другими словами, поставленная в работе проблема рассматривается на широком культурно-историческом фоне. Впрочем, больший акцент автором ставится на духовных факторах (и особенно религии) социально-политического развития, что вызывает нередкие возражения автора предисловия.

Глава I «Гомеровская эпоха (XI–VIII вв. до н.э.)» начинается с обзора источников. Здесь автор стремится соотнести данные археологии со сведениями, содержащимися в гомеровском эпосе. Х. Туманс считает, что археологический материал мало дает для понимания гомеровского общества (с. 33). Он лишь позволяет представить себе Грецию геометрического периода как довольно примитивное по своей социальной организации общество, в котором особое место занимала военная знать. Центральным сюжетом раздела являются, безусловно, поэмы Гомера. Разговор о гомеровском эпосе Х. Туманс начинает с вопроса о времени создания поэм. Он разделяет точку зрения современных исследователей, согласно которой поэмы можно датировать концом VIII – началом VII в. до н.э. (с. 37)². Однако сам эпос скорее всего отражает реалии эпохи Темных веков (XI–VIII вв. до н.э.) (с. 40). Далее автор обращается к анализу гомеровского мировоззрения. Специфической особенностью религиозного мировоззрения гомеровских греков было сочетание пietetа по отношению к богам с их почти сатирическими описаниями, чем, как известно, изобилует гомеровский эпос. Объяснение тому – антропоморфизм гомеровских богов. Анализируя социальное устройство гомеровского общества, автор отмечает отсутствие четко оформленной концепции власти. Последнее объясняется исчезновением вместе с микенскими монархиями идеи сакральной власти (с. 65). При разговоре о гомеровских басилеях отмечается двойственность их статуса, который характеризуется причудливым переплетением об-

¹ См., например: Jones A.H.M. *Athenian Democracy*. Oxf., 1957; Forrest W.G. *The Emergence of Greek Democracy*. L., 1966; Sealey R. *The Athenian Republic. Democracy or the Rule of Law?* University Park, 1987. Из новейших отечественных публикаций мы можем назвать лишь небольшую статью: Фролов Э.Д. Афинская демократия (К оценке исторического феномена) // Вестник СПбГУ. 1993. Сер. 2. Вып. 1. № 2.

² Л.А. Гиндин и В.Л. Цымбурский датируют поэмы серединой VIII в. до н.э., У. Донлэн – периодом между 750–700 гг. до н.э. (Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996. С. 22; Донлэн У. Дуэль дарами в «Илиаде»: как это выдилось окружающим // Античность и средневековье Европы. Пермь, 1998. С. 20).

разов рыцаря и крестьянина. Рассматривая властные полномочия базилея, автор характеризует положение последнего как позицию «первого среди равных». В этом случае возникает вопрос: что же давало базилею право первенствовать над остальными? Отвечая на него, Х. Туманс говорит о *харизме* – особой божественной благодати, которой базилей должен был быть наделен (с. 77). Именно *харизма*, а не богатство давала базилею право быть первым. Это положение оспаривается Э.Д. Фроловым, выдвигающим на первый план материальную основу высокого положения базилеев – их земельные владения (темены), стада скота, рабов и т.п.

Резюмируя сказанное в данном разделе, автор замечает, что гомеровское общество базировалось на двух взаимоисключающих принципах: с одной стороны, существовало теоретическое равенство возможностей для всех, но, с другой, очевиден приоритет сильной аристократической личности. Х. Туманс видит в этом противоречивое единство двух социальных моделей – элитарной и эгалитарной. Их единство и борьба станут стимулом дальнейшего политического развития и, в частности, стимулом появления демократии в Афинах.

Во II главе «Греческий ренессанс» (VIII в. до н.э.) рассматривается процесс становления греческой цивилизации, нередко сравниваемый в литературе с эпохой Ренессанса. Основное содержание рассматриваемого периода составляет процесс становления аристократии, огромное влияние на который оказывала эпическая культура. Новые явления в культурной и социально-политической сфере обнаруживаются с середины VIII в. до н.э. Они уже ощущаются в поэмах Гесиода. Поэт, по мнению Х. Туманса, формулирует иную, отличную от гомеровской систему ценностей. На первый план начинает выходить богатство, постепенно отодвигавшее в сторону традиционные аристократические идеалы. Отдельно следует сказать о разделе, посвященном историческим процессам, происходившим в Аттике. Объединение 12 ранее независимых государств Аттики – Ксетропова Двенадцатиградия – воспринималось греками прежде всего как создание общего очага, т.е. большой фиктивной культовой семьи, строившейся на религиозной идее. При этом особое значение автор придает цифре «двенадцать» (с. 141). Однако еще Ю. Белох заметил³, что Страбон (IX. Р. 397) называет лишь одиннадцать полисов, т.е. не исключено, что данная традиция – более поздняя реконструкция.

Начало главы III «Эпоха кризиса и перемен (VII в. до н.э.)» достаточно традиционно. Здесь анализируются некоторые аспекты так называемой архаической революции. В эту эпоху продолжавшееся прогрессивное развитие принимает революционные формы: растет население, усиливается социальное расслоение. Теперь тенденции, обнаружившиеся в прошлом веке, приводят к серьезным социальным сдвигам. У традиционной аристократии появляются конкуренты – разбогатевшие выходцы из низов – аналог римских *homines novi*. В греческом языке это противостояние выражалось терминами *agathoi* (добрые) и *kakoi* (дурные). Аристократия, считает Х. Туманс, сдавала одну позицию за другой, но окончательно почву у нее из-под ног выбило появление фаланги, которая лишила ее военного преимущества. Фаланга знаменует не просто изменение военной тактики, она приходит на смену кавалерии, символизировавшей политическое господство аристократии, т.е. уже поэтому содействует ослаблению позиций последней (с. 175–176). С другой стороны, новая тактика не оставляла места для поединков и личной инициативы, что лишало аристократию превосходства на поле боя. «Фаланга, – считает Х. Туманс, – уравнила простого гоплита и аристократа, она превратила каждого воина во взаимозаменяемую единицу, в элемент, подобный другому и при этом подчиненный общему порядку, общей дисциплине» (с. 179). Схема автора выглядит логично, но в ней есть и слабые места: существование в Афинах кавалерии как рода войск в рассматриваемый период не зафиксировано⁴. Хотя представители тех или иных аристократических семейств содержали упряжку колей, связь аристократического и всаднического статуса была в большей мере символической, нежели реальной. А что касается военной тактики, то аристократия изначально была связана с тем ее видом, который описывает Гомер. Вспомним упоминающееся в работе обращение гомеровского героя Сарпедона к Главку (с. 79):

Нам, предводителям, между передних героев ликийских
Должно стоять и в сраженьи пылающем первым сражаться.
(II. XII. 315–316).

³ Beloch K.J. Griechische Geschichte. Bd I. В. – Lpz, 1924². S. 206. Anm.1. Сам он в качестве недостающего звена предлагает Нисею, поскольку та, согласно традиции, некогда относилась к Аттике.

⁴ См. Bugh G.R. The Horsemen of Athens. Princeton – New Jersey, 1988.

И в гомеровскую эпоху, и в момент появления фаланги – несмотря на ее демократизирующий потенциал – аристократия могла (и должна была) оставить за собой право сражаться в первых рядах (*promachoi*).

При анализе исторической обстановки в Афинах и Аттике особое внимание автор уделяет процессам, происходившим в недрах аристократии. По-прежнему статус афинской аристократии определялся *харизмой* – божественной благодатью. Именно в этом ключе Х. Туманс рассматривает попытку Килона захватить власть в Афинах. Победа на Олимпийских играх превратила его в харизматического лидера, могущего претендовать на единоличную власть. Не отвергая точку зрения автора, заметим, что у данного события могли быть вполне прозаические причины – особенности политического строя Афин. Скорее всего власть в это время была узурпирована наиболее знатными (или могущественными) аристократическими кланами. Иначе говоря, политический строй Афин был таким же, как и накануне реформ Солона, т.е. олигархическим (Arist. Ath. Pol. 2. 2). А если это так, то захват власти был единственным способом заявить о своих политических претензиях.

Глава IV «Афинские перспективы на рубеже VII–VI вв. до н.э.» уже полностью посвящена Афинам. В культурной жизни Афин по-прежнему ощущается преобладание аристократии, свидетельством чего служит ваэпись (с. 205–206). В истории Афин рубеж веков оказался богат событиями – война с Мегарами, социально-экономический и политический кризис, реформы Солона. Последний впервые появляется на исторической арене во время упомянутой войны с Мегарами за о-в Саламин, вернее, в тот момент, когда она была прекращена. Солон, как справедливо отмечает Х. Туманс, расценивает прекращение войны как национальный позор, апеллируя к своим согражданам, он стремится пробудить у них стыд (с. 207). Говоря о разразившемся в Афинах кризисе, автор по-новому трактует его причины. Истоки кризиса он видит в конфликте между «старой» и «новой знатью» – своего рода *homines novi*, с одной стороны, и между богатством и бедностью, – с другой (с. 221). «Новой знатью», или разбогатевшими неаристократами, автор считает упоминаемых Солоном «народных вождей» (Sol. fr. 3. 5–8 Diehl). Он не склонен следовать за Аристотелем и Плутархом, рисующими картины тотального угнетения и порабощения демоса. «Масштаб этих явлений, – пишет Х. Туманс, – подлежит пересмотру и уточнению» (с. 223). И все же предлагаемая трактовка – здесь мы разделяем мнение Э.Д. Фролова – не убеждает. Мы полагаем, что экономическую составляющую кризиса не следует сбрасывать со счетов, о чем свидетельствуют часто звучавшие требования о переделе земель (вопрос о переделах земли обсуждается на с. 224–230). Сам Солон, как известно, отрицательно относился к идее уравнивания земельных владений:

Мне равно не по душе –
Силой править тирании, как и в пажитях родных
Дать худым и благородным долю равную иметь.
(Sol. fr. 23. 19–21 Diehl. Пер. С.И. Радцяга)

Разговор о реформах Солона автор начинает с определения статуса последнего. Образ Солона-реформатора представляется ему продуктом позднейшей историографической рефлексии. Задача Солона в большей мере состояла в законодательном разрешении возникшего конфликта и примирении враждующих сторон, т.е. его статус *diallaktes* может быть сопоставлен со статусом эсимнета (с. 232). И тут мы не можем полностью принять сказанное автором. Более основательным нам представляется мнение Э.Д. Фролова, настаивающего на признании Солона не просто эсимнетом – примирителем, но именно реформатором. Очевидно, что статус Солона отличался от статуса греческих эсимнетов, которых Аристотель характеризует как выборных тиранов (Pol. 1285 b30). Правильнее было бы, пожалуй, сказать, что Солон мог бы стать подлинным эсимнетом, поскольку друзья побуждали его установить единоличную власть, ссылаясь именно на эсимнетов – Питтака и Тиннонда (Plut. Sol. 14). Наконец, говоря о Солоне, следует учитывать еще одно обстоятельство – он был одним из первых *протатов демоса*⁵. Мы полагаем, что именно *протасия* открыла Солону путь к власти и заставила его провести преобразования.

Продолжая разговор о Солоне, Х. Туманс настаивает на том, что последний не только не заложил основы демократического строя, но и был далек от него. По его мнению, афинский реформатор мыслит старыми гомеровскими категориями: «лучшим – лучшее» (с. 261). Иначе

⁵ См. о них: *Гущин В.Р.* «Афинская полития» о «народных вождях» в VI в. до н.э. // Вестник СПбГУ. 1992. Сер. 2. Вып. 2; *Gouschin V.* Pisistratus' Leadership in AP.13.4 and the Establishment of the Tyranny of 561/60 B.C. // CQ. 1999. V. 49. № 1.

говоря, он усматривает в реформах Солона реализацию упоминавшейся выше элитарной социальной модели. В частности, в ценовой реформе Солона, точнее в ее натуральной форме, автор усматривает попытку защитить традиционную аристократию от «новых людей». Х. Туманс считает неверным традиционное представление о том, что введение классов подрывает основы аристократического государства (с. 245). Действительно, установленный Солоном порядок нередко называют *тимократией*: социальный и политический вес каждого определялся *time* – уважением и честью. Этот же принцип мы находим в анализируемой Х. Тумансом «Теогонии» Гесиода (с. 108 сл.). Поэт говорит о Зевсе, что «меж богами все хорошо поделил он и каждому почесть назначил» (Theog. 73–74, пер. В.В. Вересаева). Кроме того, он имел от богини Фемиды трех дочерей: Эвномию (благозаконие), Дику (справедливость) и Ирену (мир). Напомним, что сам Солон считал своей целью именно установление благозакония (*eunomia*). По-видимому, идеи, лежавшие в основе солоновских преобразований, что называется, «вitalи в воздухе».

Глава V «Культурные веяния эпохи (VI в. до н.э.)» служит как бы предисловием к последующему разделу, посвященному афинской тирании. Последняя возникает как своеобразная реакция на ослабление позиций аристократии. Свидетельством этого становится, в частности, анализируемое Х. Тумансом творчество Феогида. В главе VI «Афинская тирания: харизма и закон» рассматриваются духовные и исторические предпосылки установления тирании в Афинах, а также правление Писистрата и его сыновей. Многое из того, что сказано, вызывает возражения Э.Д. Фролова. Однако в вопросе об афинской тирании мы более склонны солидаризоваться с автором рецензируемой работы. Х. Туманс с доверием относится к сообщению Аристотеля о разгоревшейся в Атике после реформ Солона политической борьбе. Захват власти Дамасием в 582/1 гг. до н.э. справедливо рассматривается им как попытка установления тирании (с. 286). После этого, как известно, избираются знаменитые десять архонтов, представлявшие все афинские сословия. Этот эпизод автор расценивает как включение *homines novi* (в греческом варианте – *kakoi*, т.е. «дурных») в политическую борьбу (с. 287). Под таким углом зрения рассматривается борьба трех политических группировок – педиев, паралиев и диакриев (или гиперакриев). Начало ей было положено противостоянием первых двух группировок, что Х. Туманс считает противостоянием старой (педиаки) и новой (паралии, возглавляемые Алкмеонидами) аристократии (с. 288–295). Как известно, победителем в этой борьбе становится Писистрат, установивший в Афинах тиранию.

Анализ феномена афинской тирании автор начинает с обсуждения ее идеологических предпосылок. В Греции, как и на Востоке, по мнению Х. Туманса, существенное значение имела религиозная легитимация самозванных правителей. Не стал исключением и Писистрат. В экстравагантных способах его прихода к власти явно просматривается стремление к легитимации своих политических притязаний. Кроме того, будущему тирану, если использовать терминологию автора, была необходима харизма, т.е. обладание не столько богатством, сколько тем, что выделяло бы его из числа прочих аристократов. Мы поддерживаем мысль автора о том, что первый приход Писистрата к власти состоялся с одобрения народа (с. 308). Более того, выделение охраны могло означать превращение его в выборного тирана – эсимента⁶. Правда, последнее имело место не столько благодаря превращению Писистрата в харизматического лидера (хотя и это могло иметь место, если учесть, что он получил известность как полководец), сколько его превращению в простата демоса.

Далее, мы солидаризуемся с мнением автора о том, что политика Писистрата имеет демократическую направленность, хотя в ней вполне могли содержаться элементы социального лавирования. К этому хотелось бы добавить только то, что Писистрат, во всяком случае в начале своей политической карьеры, выступал как простат демоса и это не могло не сказаться на проводимой им политике.

Разговор о различных аспектах внутренней политики Писистрата Х. Туманс начинает с анализа изображений на аттических вазах, которые, по-видимому, решали задачу религиозной легитимации власти тирана (с. 322–329). В целом же Писистрат, по словам Аристотеля, был более склонен опираться на закон, нежели на насилие, что позволило ему сопоставить его правление с эпохой Кроноса. Это, возможно, стало одной из причин того, что для современников Писистрата термин «тирания» не имел отрицательного значения. Впрочем, автор вкладывает иной смысл в слова Аристотеля, сравнившего правление Писистрата с золотым «веком Кроноса». Опираясь на описание «золотого века», данного Гесиодом (Erga, 112–120), он говорит о том, что Писистрат установил политическое равенство (с. 349–350). И хотя афинский тиран не произвел передела земель, он все же установил «общность владения» в масштабах своей личной собст-

⁶ Gouschin. Pisistratus' Leadership... P. 19–22.

венности. Последнее выглядит некоторой натяжкой, тем более что сравнение Аристотелем правления Писистрата с веком Кроноса едва ли имело столь конкретное звучание.

После смерти Писистрата, во время правления его сыновей ситуация изменяется. Возможно, тогда начинается постепенный отход от демократической политики отца. Свидетельством этого являются, на наш взгляд, возвращение Алкмеонидов из ссылки и избрание одного из них – будущего реформатора Клисфена – архонтом. Ориентация на союз с видными аристократическими семействами не замедлила принести свои негативные плоды. Разразился типичный для аристократической среды того времени кризис, приведший к заговору Гармония и Аристоγόтона. Его подавление и неизбежная политическая реакция приводят в конечном итоге к крушению тирании. Подводя итоги раздела, Х. Туманс отвергает традиционную негативную оценку тирании. «Объективно, – пишет он, – тирания была важным этапом на пути становления полиса: она уменьшила влияние аристократии и привела к нивелировке всех сословий перед лицом закона» (с. 366).

В последней, VII главе «Рождение демократии» анализируются пути формирования новой политической системы в Афинах: от реформ Клисфена до эпохи Перикла. После свержения тирании в лагере победителей разразилась острая политическая борьба. Первоначально победу одерживает соперник будущего реформатора Исагор, умело использующий тяготевший над Алкмеонидами «Килонов грех». Именно тогда, считает автор, и состоялся знаменитый суд над Алкмеонидами, с рассказа о котором начинается «Афинская полития» Аристотеля (с. 372). Подобная точка зрения высказывалась уже не раз. Аргументом против нее служит, пожалуй, то, что в «Афинской политии» информация о суде предшествует рассказу о кризисе в Аттике, разразившемся накануне реформ Солона (Arist. Ath. pol. 1). Вместе с тем заслуживает внимания мысль о том, что ставка Клисфена на народ не была принципиальной позицией Клисфена. Он становится *простатом демоса* только для того, чтобы одержать победу над своими соперниками. И в дальнейшем, проводя свои преобразования, Клисфен стремился не столько к созданию основ демократического строя, сколько к ослаблению позиций соперничавших с ним группировок. Замечено, что реформа фил привела к заметному усилению позиций Алкмеонидов⁷. В этой связи не выглядит неожиданным замечание автора о том, что характер государства при Клисфене остается аристократическим, хотя реформы подорвали влияние родовой аристократии и сделали народ независимой от нее политической силой (с. 383). Ранее Х. Туманс высказал предположение, что именно Клисфен произвел замену солоновского натурального денза денежным (с. 378). Однако для такого утверждения автору не достает аргументации.

После раздела о клисфеновских реформах дается беглый обзор событий афинской истории от Греко-персидских войн до конца Пелопоннесской войны. Это и «морская программа» Фемистокла, и реформа Эфиальта, и эпоха Перикла⁸. Центральным в этой главе является, пожалуй, раздел, озаглавленный «Демократия и мир идей». Становление новой демократической идеологии, считает Х. Туманс, изменило отношение афинян к тирании, которую начинают очернять (с. 409). Наблюдается любопытное сдвиги и в мифологии. После 510 г. до н.э. наиболее популярным героем афинской вазопиши становится Тезей. «В противовес “монархическому” Гераклу Тезей стал олицетворением демократии и даже был провозглашен ее основателем» (с. 414–415). Между тем, именно Тезей был афинским царем, что, однако, не помешало афинянам провозгласить его основателем демократии⁹. Далее автор детально анализирует процесс становления новой идеологии, сопровождавшийся секуляризацией сознания, его демифологизацией. К сказанному автором следовало бы добавить, что отмеченные им явления далеко не всеми воспринимались одобрительно. Нередко они вызывали ответную реакцию, свидетельством чего являются критика, звучавшая в адрес Перикла, а также судебные преследования его друзей – философа Анаксагора и скульптора Фидия¹⁰. В разделе «Современники о демократии» Х. Туманс рассматривает отношение афинян к их собственному государственному строю. Как известно, помимо восхваляемой, звучавшей, скажем, в так называемой Надгробной речи Перикла, раздавались и голоса критиков. В частности, критике подвергается фактически единоличное правление Перикла, а равно и демократический режим, в котором усиливаются радикальные черты. До сих пор считалось, что одним из таких критиков был написан трактат «Афинская полития»,

⁷ См. Bicknell P.J. Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972. Ch.1.

⁸ К использованной Х. Тумансом литературе добавим статью: Суриков И.Е. Афинский ареопаг в первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1995, № 1.

⁹ Gouschin V. Athenian Synoikism of the Vth Century Athens, or two Stories of Theseus. P. 181. Not. 103.

¹⁰ См. Dodds E.R. The Greeks and the Irrational. Berkeley, 1949. Ch. 6 (сегодня имеется и русский перевод: Доддс Э.Р. Греки и иррациональное. СПб., 2000).

который приписывается Ксенофону. Х. Туманс оспаривает устоявшееся мнение, считая автора трактата не критиком, а защитником демократического строя¹¹. Думается, что для такого радикального пересмотра традиционной точки зрения маловато оснований.

Завершая исторический обзор, автор отмечает постепенность процесса становления демократии в Афинах. Начинается он в гомеровскую эпоху, а завершается при Перикле. Х. Туманс особенно настойчиво подчеркивает двусторонность данного процесса: «...афинская демократия стала результатом двух революций: культурной и политической» (с. 488). Процесс становления демократии автор связывает с противоборством двух социальных моделей – элитарной и эгалитарной. Несмотря на длительное господство элитарной модели равенства, эгалитарные тенденции не умирали, находя свое выражение в мифологических представлениях о золотом «веке Кроноса», требованиях уравнивания собственности, частной благотворительности. Рождение демократии автор связывает с победой эгалитарной модели – равенства «по количеству» (с. 496).

Подводя итог сказанному выше, заметим, что работа Х. Туманса, безусловно, займет достойное место в отечественной историографии. Ее достоинствами являются новизна взгляда и полемичность предлагаемых решений. Автор пытается по-новому взглянуть на многие события афинской истории, выделяя в них культурно-исторический аспект. Быть может, это не всегда удастся автору, не все его оценки и трактовки могут быть приняты. И все же монография Х. Туманса появилась весьма кстати. Обсуждение поставленных в ней вопросов, несомненно, оживит научную мысль.

В.Р. Гуцин

© 2004 г.

С.Ю. ВНУКОВ. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология). Москва, 2003. 234 с.

Вышедшая недавно в свет работа С.Ю. Внукова посвящена хронологии и типологии амфорной тары, распространенной в причерноморском регионе на рубеже эр и в первые века нашей эры. Она состоит из предисловия, вступления и четырех глав основного текста, заключения и приложения (каталог амфор причерноморского производства I в. до н.э. – первой половины III в. н.э. и их основных параметров). Использована значительная литература, посвященная в основном амфорам и керамическому производству, о чем свидетельствует обширная библиография в конце работы. Автор формулирует цели и задачи исследования, оговаривая его хронологические рамки – I в. до н.э. – II в. н.э.

Период времени, который охватывает монография, выбран автором не случайно. Это очень интересный этап в истории причерноморских государств, когда там происходили важные процессы, накладывавшие отпечаток на экономическую, политическую и культурную обстановку в регионе. После распада державы Митридата усилилось проникновение Рима в Причерноморье, в степях появились новые варварские кочевые племена. В Южном и Западном Понте образовались новые римские провинции, что дало толчок развитию экономики городов в составе этих провинций. Крупнейшее государственное образование в регионе – Боспорское царство – стало активно развиваться, превратившись в мощное образование эллинистического типа на окраине античного мира. Эти процессы в экономике протекали при непосредственном участии Рима, поэтому изучение керамического производства в восточных римских провинциях и торговли между городами в новых римских провинциях и северопричерноморскими государствами очень важно для определения уровня воздействия Римской империи на социально-экономические процессы развития этих земель в первые века нашей эры. Изучение амфорной тары и путей ее поступления на север Причерноморья становится очень актуальным как один из показателей экономического влияния римлян и романизованных провинций греческого Востока в понтийском регионе. Ведь светлоглиняные амфоры – важнейший датирующий материал при раскопках поселений и могильников рубежа и первых веков нашей эры, а наряду с монетами – инди-

¹¹ Ранее не менее парадоксальную точку зрения высказывала М. Ланг, считавшая автором «Афинской политики» демагога Клеона (*Lang M. Cleon as the Anti-Pericles // CP. 1972. V. 67. № 3*). Правда, она считала высказанные Клеоном идеи олигархическими по своей сути.